

— Из этой командировки в ИЗМИРАН я вернулся в Ладушкин то ли в пятницу поздно вечером, то ли в субботу утром, так что с самого утра в субботу пойти на рыбалку не смог - неудобно было перед Сашенькой: только появился и тут же смылся на рыбалку. Но душа рвалась на залив, и я предложил Сашеньке прогуляться днём к Береговому, взять на всякий случай с собой удочки, разведать обстановку...

— Сашуля согласилась. Погода была тихая, пасмурная, температура чуть ниже нуля. Время предобеденное, на берегу залива никого, все давно уже на льду, но из-за тумана и лёд казался пустынным. Рыбачьи же тропы и дороги виднелись отчётливо, и мы пошли по самой широкой и оптопанной из них. Шли примерно полчаса не слишком быстрым ходом, и вдруг из тумана прорезались первые фигуры судачников, согбённых над лунками.

— Вот, давай тут и попробуем, - предложил я. - Чего дальше тащиться, времени и так уже много.

— Сашуля, разумеется, не возражала, она уже немного устала, ведь до Берегового ещё шли сорок минут от дома.

— К этому сезону я, наконец, обзавёлся собственной пешней - купил в магазине развивающуюся, трёхколенную, легковатую, правда, и не очень мощную поэтому, но удобную тем, что её можно было носить в рюкзаке (а тот, в свою очередь, я чаще всего возил на Иринкиных санках, пока не раздолбал их, подвязывая под мотороллер). Приобрёл я и складной стульчик вместо посылочного ящика, который таскал раньше с собой.

— Мы выбрали место у чьих-то старых лунок, где имелось сиденье: два ледяных столбика, вынутые кольцевым ледобуром, а на них дощечка. Сашуля тут же уселась на него, я дал ей удочку, наживив блесну головой корюшки и установив глубину - метра три, и показал ей, как надо блеснить. Сам же продолжил пару новых лунок метрах в пяти от Сашули и уселся на своём стульчике блеснить сразу двумя удочками.

— Удочка, которую я дал Сашуле, была сделана мною из ручки поломанной ракетки для бадминтона. К ней я прицепил на толстой лесе огромную блесну из двух спаянных пластин из нержавейки со впаянным между ними крючком (у обычных блёсен одна сторона покрыта оловом) - считается, что такой блесной судак подсекается надёжнее. Судак, хапнув блесну, не отпускает её обычно, пока не дойдёт до льда, при этом крючок может и не вонзиться в пасть, ибо подсечь при этом не всегда удаётся, так как зубы судака вязнут в олове. Около лунки в таком случае судак просто разжимает зубы и выплёвывает блесну. А вот если блесна обоюдогладкая, то подсечка удаётся чаще.

— Но это всё теория. Так её излагал мне наш ас подлёдного лова Юра Абизов, пятидесятилетний татарин, кочегар нашей обсерватории, проводивший зимой на льду всё свободное от дежурств в кочегарке время, продававший судаков хозяйкам в Ладушкине по рубль штука и зарабатывавший на этом больше, чем на основной работе. Он сам же изготавливал блёсны, несмотря на отсутствие четырёх пальцев на правой руке. Он мне и подарил эту блесну, которой блеснила теперь Сашуля.

— Я же больше доверял удочке, которую подарил мне Гена Бирюков, сделанной кем-то из кочегаров его санатория. Самодельная блесна на ней была сравнительно небольшая, очень изящная, и удилице удобное. И ещё у меня была собственная самоделка с магазинной блесной, на которую только одуревший судак мог позариться. Правда, и на неё у меня судаки попадались, но реже всего.

— Так вот, сидим мы с Сашулей друг против друга и блесним. Туман тем временем рассеялся, стало видно, что мы сидим на ближнем к берегу краю довольно большого скопления рыбаков. Но среди них тишина. Похоже, что клёва нет. Никто не вскакивает, не суетится, друг к другу не бегают.

— И вдруг Сашуля заявляет, что у неё поплавок кто-то шевелит. - Блесни! - говорю ей. -

Судак подошёл, пробует, но сытый, наверное. Подразни его.

— И сам не утерпел, подошёл к Сашулиной лунке. Гляжу, действительно: опустит Сашуля поплавок на воду, он сначала стоит неподвижно, а потом начинает слегка притапливаться.

— Давай, блесни ещё! - говорю.

— Сашуля потянула удилище и сообщает:

— Ой, за что-то зацепилось.

— Так это судак повис. Тяни, давай.

— Сашуля начала тащить, я перехватил леску, и мы совместными усилиями вытащили на лёд судачка граммов на семьсот.

— Чего-то не очень он сопротивлялся, - сказала Сашуля. - Я думала трудно тащить судака, а когда тащила, так ничего и не чувствовала, никаких рывков.

— По всякому бывает. Да и судачок маленький. Однако поздравляю - первый твой судак!

— На моих же лунках и намёков на поклёвки не было.

— Вскоре мимо нас потянулись рыбаки, возвращавшиеся с глубин.

— Ого, да мы зря далеко ходили. Вон здесь у берега даже бабы судаков ловят.

— Да это ей её мужик подложил. Где уж бабе судака поймать! - подшучивали они.

— У Сашули начали мёрзнуть ноги. Пора было возвращаться, мы решили посидеть ещё немного и идти домой. Но мне хотелось попробовать поблеснить на Сашулиных лунках, и мы поменялись местами. Я был в валенках с шерстяными носками, а Сашуля в обычных женских зимних сапогах на низком каблуке, тёплых, правда, но всё же не для зимней рыбалки. Я предложил ей надеть мои носки, чтобы согреть ноги. Но в носках её ноги не влезали в сапоги, и Сашуля сидела у моих лунок на стульчике, сунув ноги в носках в расстёгнутые голенища (на молниях) своих сапог. Обе мои удочки она взяла в руки и лениво помахивала ими - блеснила, терпеливо ожидая, когда я начну собираться домой.

— И тут...

— Ой, Саша! - слышу я её испуганный крик.

— Всё остальное происходит в считанные секунды. Подняв голову на Сашулин вскрик, я увидел, что она стоит враскорячку (ноги-то всунуты только в голенища сапог) и держит обе руки с удочками вытянутыми вверх над головой. Я бросаюсь к ней (расстояние между нами не больше пяти метров) и в этот момент вижу, как удилище из левой руки Сашули вырывается, брякается на лёд, юркает в лунку и исчезает в ней. Я падаю на колени рядом с этой лункой, заглядываю в неё, может, удочка как-нибудь за что-нибудь зацепилась. Где там!

— Ж...! - исторгаю я вопль своей души. И больше ничего не в силах сказать, даже расспросить, что произошло. Ясно только, что судак или кто-то там ещё уволок под лёд мою любимую, самую уловистую удочку и таскает её теперь за собой пока не сможет освободиться от блесны.

— Я просто не смогла удержать удочку, так сильно рвануло, да и пальцы закоченели, - дрожащим голосом оправдывалась Сашуля. Чувствовалось, что и она донельзя расстроилась.

— А чего ты обе руки вверх задрала?

— Да я так растерялась от неожиданности, что не сообразила, на которой удочке клюнуло. У меня обе руки сами как-то вскинулись, а что дальше делать - не знаю. Кричу тебе, а тут он потянул так, что у меня большой палец разогнулся, и удочка вывалилась.

— Э-эх! И судака упустила, и удочку угробила. А судак-то, наверное, крупный был!

— Да, не сравнить с тем, первым.

— Ну, ладно. Что теперь поделаешь. Пошли домой.

— На обратном пути Сашуля успокаивала меня, как могла, и вскоре я перестал сердиться, хоть и было очень жаль удочку.

— На следующий день в обсерватории специалисты зимней ловли, комментируя

происшедшее с нами, пришли к выводу, что вряд ли это был судак, скорее - крупная щука, она хватает резче. Ну, а что там было на самом деле, осталось покрыто мраком неизвестности.

[\(продолжение следует\)](#)